

предметовъ, занимавшихъ дѣятельность его, успѣхи образованности и просвѣщенія были цѣлью Ея особенной заботливости. Она не только уважала умъ, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила къ нему, но, такъ сказать, баловала и щадила непрѣбѣжимыя уклоненія его. Самая современная эпоха благопрѣятствовала есму Августѣйшему приспособлению. Франція, униженная въ политическомъ достоинствѣ своемъ, сонедшая съ повелительной чреды, на которую возвѣда се рука, пѣкогда всемогущая, Людовика XIV, спа-ралась развишиемъ умственныхъ способностей вновь захватить на другомъ поприщѣ утраченное владычество свое. Услыла ея увѣчаны были совершенныиѣ успѣхомъ. Версальскій Кабинетъ не имѣлъ въ себѣ другаго Ришельѣ, другаго Мазарина и политика Европы не получала на-правленія своего изъ Франціи: по Фернѣйской кабинетъ имѣлъ своего Ришельѣ, который съ иными средствами едва ли быль не могущественнѣе перваго. Вольтеръ, представитель, органъ, душа и глава сего новаго рода присвоенія, коего алкала властолюбивая Франція, разпросиряя во имя свое и собрашевъ или учениковъ, владычество генія своего и новыхъ мыслей на умы Европы, все еще покорной господству Франціи. Екатерина съ самыхъ молодыхъ лѣтъ полю-била Французскій языкъ и Французскую Импературу, конорая тогда уже изгоргасла изъ ограниченнаго круга изящныхъ письменъ и мѣриаго великомѣлія, прославившия ее во дни Людовика XIV. При дворѣ Елизаветы поселилась Она лучшіе уединенныѣ часы Свои на-членѣ авиоровъ, разкрывшихъ умъ Ея, рано созрѣв-шій для глубокомысленныхъ соображеній философіи и политики. Вспнувшись на престолъ, воцарила Она съ Собою правила, который почерпнула въ учени. Гласныиѣ покровительствомъ, всѣми лѣстивыми, обольстившими свидѣтельствами благоволенія, свойственными власти Монарха и увопченности женищины, содѣствовала Она торжеству Вольтера и соучастниковъ его во всемирномъ правленіи умовъ и мысльй. По справедливости, должно однако же замѣтить, что и до Екатерины Прави-тельство и Дворъ признавали у насъ власть просвѣщенія Европейскаго и не пренебрегали союзомъ съ умственными знаменитостями современными. Вольтеръ уже въ царствованіе Елизаветы былъ, такъ сказать, союзникомъ на жалованіи у Двора нашего; и если испо-рія Петра Великаго, подвигъ, совершиенный имъ въ силу заключенныхъ дипломатико-импературныхъ сдѣлокъ, не опреѣасть достоинству ни Героя, ни писателя, то должно видѣть въ немъ новое доказательство, что наемный союзникъ бываешьъ обыкновенно мало на-деженъ для пользы назначеннаго предпріятія. Шуваловъ, не топъ, который въ царствованіе Екатерины писалъ Французскіе спихи, принимаемые въ самомъ Париже за произведение Французской почты, но Шуваловъ, пи-

савший и самъ Рускіе спихи, а болѣе извѣстный и до-стойкий извѣстности, потому что онъ сдавали не первый почувствовалъ красоту спиховъ Ломоносова, по-кровищемъствовалъ му и умѣль опѣть него выслушиваниемъ яснѣи и благородные упрски, Шуваловъ, вѣльможа двора Елизаветы и любимецъ Ея, былъ уже посред-никомъ между Импературою Европейскою и нами. Онъ имѣлъ въ Женевѣ агента, Бориса Михайловича Сампѣ-кова, кажеется, имъ уполномоченнаго для спошней съ Воль-теромъ, по предмету Испоріи, имъ сочиняемой. Пись-ма его къ Шувалову — наспоящія депеши о томъ, что дѣлается въ Делисаахъ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера. Вообще изъ переписокъ того времени, ко-торыя удалось намъ прочитать, видно, какое дѣятельное участіе принимали всѣмогущи нации въ движе-ніяхъ современной импературной дѣятельности. Но-выея поспіша, смыло провозглашаемыя во Франціи, имѣ-ли тогда опголоски въ Петербургѣ. Мы нашли въ запискахъ, оставленныхъ Княгинео Дашикою, что до 15-ти лѣтнаго возрасла прочла она въ домѣ дяди своего, Графа Воронцова, сочиненія Беля, Вольтера, Мошескѣ, Гельвеція: правда, она прибавляеть, что кромѣ Екатерины, тогда еще Великой Княгини, и такжѣ въ лѣтахъ весьма молодыхъ, и ея, никто изъ женщинъ въ Петербургѣ не занимался подобными чле-ніями. Оно и поспижимо, и едва ли можно жалѣть о томъ. Подобное чтеніе, нельзя не сознаться, было несомнѣко преждевременно, и просвѣщеніе, за нимъ слѣдовавшее, должно было походить на то, въ коморѣ вообще обвиняютъ насъ иѣкоторые иностраницъ насилиствено-привѣтное, скороспѣлое и потому не на-дежнос. Но между пѣмъ сіе свидѣтельство, въ числѣ прочихъ, доказываетъ, что отраженіе лучай, бросае-мыхъ Францію, было не чуждо и вершинамъ обще-ства нашего.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

БИБЛИОГРАФІЯ.

Рускія книги.

ПЛІАДА ГОМЕРОВА, переведенная И Ги-
дичемъ, Членомъ Императорской Рое-
сійской Академіи и пр. — 2 ч. С. II б., въ
шестигр. Императорской Россійской
Академіи, 1829. (въ 1-й ч. XV — 554, во 2-й —
362 стр. въ боль. 4-ю д. л.)

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ не-
прѣдвидимо ожиданный переводъ Пліады! Когда гише-
ли, избалованные минутными успѣхами, большему ча-

емлю устремились на блестящія бездѣлки; когда плашить чуждающіяся труды, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благотворное служеніе, но плокмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъуваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни изключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніемъ, и совершило единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Присступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать опичепъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть споль важное влияніе на отеческую Словесность.

АЛЬМАНАХИ на 1830 годъ.

Радуга, литературный и музыкальный альманахъ на 1830 годъ. Изд. П. Араповыи и Д. Новиковыи. — М. въ пр. Селивановскаго (327,55 и 16 спран. въ 16-ю дол.).

Что такое Альманахи въ нынѣшней Европѣ? Игрушки взрослыхъ дѣтей, подарки на новый годъ, книжки, которыхъ главное достоинство состоится въ картинахъ и богатствѣ изданій. Хорошая книжка прозаическая, сплошь изображеніе, поящее очищаніемъ шалаша, не необходимость въ подобномъ изданіи, а даже исключительный подарокъ. Мы, Русские, давно уже извѣстны охотою подражать всему иностранному. И Альманахи не ушли отъ замѣчательности нашей: *мы ввели ихъ въ употребленіе*, но, кажется, разбѣ, чѣмъ бы слѣдовало. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ наша поспѣшность не повредила, а принесла пользу. Примѣръ рѣдкій! — Объяснимся. Альманахи наши не блестятъ картинками по причинѣ очевидной: мы не имѣемъ еще художниковъ, которые посыпали бы свои шалаша на подобную работу, и продажа Альманаховъ, по незначительности своей, не позволяетъ даже и подумать о роскоши изданій. Намъ должно хлопотать не о блескѣ, а обѣспечности, по и сія добродѣтель испекло намъ до-спасается. Какъ же наши Альманахи могутъ быть праздничными подарками? Поневолѣ они избрали себѣ удѣль лучшій: *быть годовыми выставками литературныхъ произведений*. Большая часть нашихъ писателей постоянно надѣляется ихъ образцами своихъ годовыхъ заслугъ, а у выхъ и все пруды трехъ сонъ шесслидесяни пятии днѣй занимаются двѣ — при спранички.

Альманахъ: *Радуга*, не многимъ порадуетъ любителей читенія. Изключивъ ученое разсужденіе: *О народныхъ Русскихъ пословицахъ*, И. М. Сыгрева, и спишно, живо написанную: *Фолклинова Наука доброго Ригарда*; *О воспитаніи будныхъ*, соч. Дежерандо; *Кофейный долгъ въ Суратѣ*, соч. Бернарденъ-де Сен-Пьера, и еще нѣсколько небольшихъ спишней. Большая часть оныхъ, въ этой же книжкѣ, напечатаны также и на Французскомъ языке.

ничѣмъ не можетъ. Краковскій же замокъ Н. А. Полеваго заставляетъ насъ сожалѣть, что Сочинитель споль слабо поспѣхъ и споль карикатурно изобразилъ Суворова. Почти всѣ стихотворенія *Радуги* не выходятъ изъ благоразумныхъ предѣловъ посредственности. Въ олицетвореніи музыки (замѣчательномъ по численности и красивости поппаго шрифта), меломаны наши съ удовольствиемъ найдутъ новыя произведенія Княгини З. А. Волконской, В. Г. Шольца, В. В. Всеволодскаго, Князя В. С. Голицына, А. Н. Верстовскаго и О. О. Генишевы; и пожалѣютъ, что мерзкая поэты Цыганскихъ пѣсень не могутъ выразить оригинальности очаровательного пѣвца Московскихъ Вакханокъ.

Московский Альманахъ для юныхъ Русскихъ гражданъ, или ручная Энциклопедія съ картинками. — М. въ Универс. типогр. 1830. (163 — 186 стр. въ 16 ю д. (*).

Здѣсь помѣщены: *Франклинова Наука доброго Ригарда*; *О воспитаніи будныхъ*, соч. Дежерандо; *Кофейный долгъ въ Суратѣ*, соч. Бернарденъ-де Сен-Пьера, и еще нѣсколько небольшихъ спишней. Большая часть оныхъ, въ этой же книжкѣ, напечатаны также и на Французскомъ языке.

СМѢСЬ.

Нѣкоторыя изречения, кажущіяся съ перваго взгляда парадоксали, становятся почти афоризмами, когда мы приложимъ ихъ обдумаемъ. Таково извѣстное изреченіе Сперри, что Французы — *самая степенная въ мѣрѣ нація*. Хотите ли увѣришься въ испинѣ сихъ словъ, принятыхъ за шутку? Посмотрите, какъ систематически Французы поспушаютъ въ своихъ наслажденіяхъ.... Я не говорю уже о наслажденіяхъ вещественныхъ или гастрономическихъ: учрежденіе Французского спола, порядокъ блюдъ и питья винъ и пр. и пр., супъ плоды глубокихъ сображеній, и прияты большою частию образованныхъ народовъ за испаренный законъ Комуса; я хочу сказать о наслажденіяхъ *у.истинныхъ* или *правдивыхъ* — выбирайте любое изъ сихъ прилагательныхъ. Французы любятъ наслаждаться произведеніями искусства

(*) Продається по 10 р.